

ЩЕЛКУНЧИК

Пятеро и Кот. Книга четвёртая

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Щелкунчик

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Щелкунчик / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь задумывались, почему у Щелкунчика такой большой рот? Нет? А он задумывался. И не раз. Пять студентов и один кот в тельняшке решают разобраться, как деревянный человечек с острыми зубами прошёл путь от карикатуры на барона до главного символа Рождества. В программе: злые рудокопы, добрый сказочник с мрачными мыслями, француз, который переписал всё по-своему, великий композитор и музыка, которую вы точно слышали. Главный вопрос книги: почему один и тот же Щелкунчик грызёт орехи, время и сердца — и ни разу не устал? Спойлер: кот расскажет. Но сначала — поест. Кот — это отдельный жанр. Лёгкая, тёплая, местами мрачная и очень уютная история о том, как злость превращается в чудо. Новогоднее настроение прилагается.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Орехи, барон и очень недовольный кот	5
Глава 2. Зайфен, рудокопы и человек, похожий на барона	7
Глава 3. Гофман, ярмарка и сказка, которая испугала всех	11
Глава 4. Петербург, Мариинский театр и музыка, которую узнают с первых нот	14
Глава 5. Щелкунчик, или Как вещь становится чудом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Щелкунчик

Глава 1. Орехи, барон и очень недовольный кот

Всё началось с ореха.

Точнее — с горы орехов. Точнее — с горы орехов, которую Лёха притащил в штаб-квартиру в шесть часов вечера и высыпал на стол с грохотом, от которого кот подпрыгнул на полметра и посмотрел на него так, будто Лёха лично оскорбил всех котов мира.

— Что это? — спросила Соня, отрываясь от книги.

— Орехи, — ответил Лёха с гордостью.

— Я вижу, что орехи. Зачем?

— Затем, что я предлагаю тему. — Лёха вытер руки о штаны и уселся. — Следующая остановка — Щелкунчик.

Пауза.

Кот вернулся на диван, сел и посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты серьёзно, — сказал кот. Не вопросом. Утверждением.

— Абсолютно, — кивнул Лёха. — Я читал. Я готовился. Я даже орехи купил.

— Ты купил орехи, чтобы что? — уточнил Егор, поправляя очки.

— Чтобы было аутентично, — ответил Лёха. — Как в Зайфене. Мне надо понять, легко ли колоть орехи зубами. Ну, то есть деревянными зубами. Ну, то есть щелкунчиком.

— У нас нет щелкунчика, — заметила Алиса.

— Вот именно, — сказал Лёха и обвёл всех взглядом, как фокусник, который наконец дошёл до главного трюка. — А должен быть. Потому что его ещё не изобрели. В смысле — не совсем так изобрели. В смысле — скоро изобретут, но пока нет. И мне кажется, что это — самая интересная история из всех, которые мы разбирали.

Пауза.

— Почему? — спросила Соня.

— Потому что это история про то, как люди злились на жадного барона, — ответил Лёха. — А потом взяли и вырезали его из дерева в виде зубастого человечка. И стали им колоть орехи. Понимаете? Они не могли его свергнуть. Они не могли на него пожаловаться. Они не могли его даже обсуждать — в те времена за такое можно было получить по-крупному. А они взяли и сделали из него бытовой предмет.

Пауза.

— Это гениально, — сказала Алиса. — Это самый наглый способ мести в истории.

— Это народный юмор, — согласился Лёха. — И это потом стало символом. Сначала — злая карикатура. Потом — игрушка. Потом — удача. Потом — король в короне и камзоле. Потом — балет. Потом — Рождество. И всё это из одного зубастого мужика, который грызёт орехи.

Он замолчал и оглядел всех.

— Ну? — спросил он. — Идём?

Кот встал, потянулся и пошёл к двери.

— Идём, — сказал он. — Но у меня одно условие.

— Какое? — спросил Лёха.

— Никаких орехов в прыжке, — отрезал кот. — Я их не переносу. Они тяжёлые. И пахнут. И у меня от них изжога.

— У тебя изжога от орехов? — удивился Егор.

— У меня изжога от всего, — ответил кот и вышел. — Собирайтесь. У нас две недели.

Глава 2. Зайфен, рудокопы и человек, похожий на барона

Зайфен встретил их снегом.

Настоящим зимним снегом. Не московским, не петербургским — саксонским. Мелким, колючим, настойчивым, который лез в глаза, в нос, в капюшон. Мороз стоял сухой и злой. Дым из труб поднимался ровно столбами, как будто боялся шевелиться.

— Вот это уже серьёзно, — сказала Алиса, кутаясь.

— Это Саксония, — отозвался Егор, глядя в блокнот. — Середина XVIII века. Рудные горы. Мы на границе будущих Германии и Чехии. Где-то здесь — тот самый Зайфен.

— И откуда ты знаешь, что мы именно там? — спросила Соня.

— Потому что вон там вывеска, — Егор показал рукой.

Все повернулись.

Над входом в приземистое деревянное здание, скрытое в снегу, висела вывеска. Потрёпанная, кривая, но разборчивая. На ней был нарисован молоток, кусок руды и — по-немецки

— что-то про рудную артель. Ниже — завитушками — «Деревянные изделия. Игрушки. По заказу».

— Это не мастерская, — сказал Макс. — Это лавка.

— Это артель, — поправил Егор. — До мастерской ещё годы. Сейчас всё делается в артели. Рудокопы, которые больше не могут копать, садятся за резьбу.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что руда кончается, — ответил Егор. — Жилы истощаются. И люди остаются без работы. Они были рудокопами — стали игрушечниками. Это не выбор. Это выживание.

Пауза.

— Тяжёлая история, — тихо сказала Соня.

— Нет, — сказал кот. — Хорошая.

Все повернулись к нему.

— Почему хорошая? — уточнил Лёха.

— Потому что из неё вышло чудо, — ответил кот. — Смотрите.

Он указал лапой на окно.

В окне, за грязным стеклом, они увидели человека. Он сидел за столом и что-то вырезал. Рядом с ним, на столе, стояли деревянные человечки. Несколько. Все разные. С огромными ртами, с острыми зубами, в простых шапках, в широких рубахах.

— Вот они, — сказала Соня. — Щелкунчики.

— Пока ещё не щелкунчики, — отозвался Егор. — Их тогда называли по-другому. Просто — «человечки для орехов». Или «орехоколы». Слово «щелкунчик» появится позже.

— Когда? — спросила Алиса.

— В 1830-м, — ответил Егор. — В сборнике братьев Гримм.

— Значит, до этого никто не знает, как их называть? — уточнил Лёха.

— До этого их называют «Werkzeug» — инструмент, — ответил Егор. — Или «Holzkopf» — деревянная голова. Слово «Nussknacker» тоже было, но в значении «инструмент для щёлканья орехов». А вот чтобы это стало именем персонажа — нет. Пока нет.

Они переглянулись.

— Ладно, — сказал Макс. — Заходим. Но тихо. Мы пришли смотреть, а не разговаривать.

— Макс, — сказала Соня, — мы уже знаем, что токарь у нас в прошлый раз сразу всё заметил. Может быть, и здесь так будет.

— И что тогда?

— Тогда мы говорим, что мы из Праги, — предложил Лёха. — Из газеты. О народных промыслах.

— Лёха, — отрезала Соня. — Мы уже использовали эту легенду. Давай что-нибудь новенькое.

— Хорошо, — согласился Лёха. — Тогда мы — ученики из Нюрнберга.

— Почему из Нюрнберга? — удивилась Алиса.

— Потому что Нюрнберг — это город игрушек, — ответил Лёха с достоинством. — Это я знаю! Там был целый цех игрушечников. Если мы скажем, что мы оттуда, никто не удивится. Ученики из Нюрнберга приехали в Зайфен смотреть, как работают местные. Всё логично.

Пауза.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Соня.

— Я читал, — ответил Лёха. — Я же сказал. Я готовился.

— Мы это запомним, — сказал Егор. — Это, пожалуй, впервые.

— Я всегда знал, что этот день наступит, — отозвался Лёха.

Они вошли.

Внутри пахло дёгтем, сосновой смолой, стружкой и кислым пивом. В углу топилась печь. За тремя столами сидели люди. Все — с крепкими руками и обветренными лицами. Все — в простой рабочей одежде. Все — что-то делали руками.

На них никто не обернулся.

— Добрый день, — сказал Макс, снимая шапку.

Один из людей поднял голову.

Это был мужчина лет пятидесяти. Худой, с запотевшими очками на носу, с толстыми пальцами, которые держали нож. Перед ним лежал кусок дерева. И на этом куске дерева уже начали проступать черты — нос, рот, кривая ухмылка.

— Добрый, — ответил мужчина. — Чего надо?

— Мы из Нюрнберга, — сказал Лёха и толкнул Макса локтем. — Ученики. Смотрим.

Мужчина оглядел их.

— Ученики, — сказал он. — Из Нюрнберга. И почему тогда у вас один в очках, который больше похож на писца. И один — на барона.

Пауза.

— На кого? — переспросил Макс.

— На барона, — повторил мужчина и усмехнулся. — Похож. Дай ему парик и камзол — вылитый фон Крюгер. Он у нас тут был. Пока не разорил половину города.

— Что он сделал? — тихо спросила Соня.

— Налоги поднял, — ответил мужчина. — Потом ещё. Потом ещё. Всё поднимал, пока у людей не осталось ничего. А потом продал рудник. Тому, кто ему больше предложил. И ушли люди без дела.

Пауза.

— И что вы сделали? — спросил Лёха.

Мужчина посмотрел на него. Потом — на деревянного человечка на столе. Потом снова на Лёху. И вдруг улыбнулся. По-настоящему. Широко. Как будто ждал этого вопроса целую жизнь.

— А вот что, — сказал он и поднял заготовку.

Это был тот самый человечек. С огромным ртом. С двумя рядами острых зубов. С кривым носом. С прищуром. Вылитый барон.

— Узнаёшь? — спросил мужчина.

— Похож, — тихо сказал Макс.

— Ещё как похож, — согласился мужчина. — Мы таких делаем уже полгода. Каждый вечер. По одному. Сначала — просто так, для себя. Потом пришли соседи, увидели — и попросили тоже. А теперь мы их продаём.

— И людям нравится? — удивилась Алиса.

— Людям нравится делать то, что мы делаем, — ответил мужчина. — А покупателям нравится колоть орехи. У этого человечка очень удобный рот. Дай ему орех — и он его расколлет. А заодно... — он замолчал, но усмешка на его лице всё сказала за него.

— Заодно он грызёт того, кого вы не можете тронуть, — сказала Соня.

Мужчина посмотрел на неё.

— Ты умная, — сказал он. — Для ученика из Нюрнберга.

— Умная, — согласилась Соня. — И любопытная.

— Тогда смотри, — мужчина протянул ей заготовку.

Соня взяла.

Кусок дерева. Тёплый. Живой. И на нём проступало лицо. Злое, смешное, жадное, узнаваемое.

— Это не игрушка, — сказала она тихо.

— Нет, — отозвался мужчина. — Это память. Мы делаем память о том, кто нас обидел. И отдаём её людям. Чтобы они тоже смеялись. И кололи орехи.

Пауза.

— И что будет дальше? — спросил Егор.

Мужчина пожал плечами.

— Не знаю. Может, забудут. Может, нет. Мы люди простые. Мы не пророки. — Он снова взял нож. — Но вот что я скажу: если человек чем-то обижен, он всегда найдёт способ об этом рассказать. Иногда — словом. Иногда — песней. А иногда — деревянной головой, которая грызёт орехи. Это всё одно. Это всё — язык.

Он отвернулся к работе.

— Всё. Идите. У нас дел много.

Они вышли.

Какое-то время никто не говорил.

— Слушайте, — первой заговорила Алиса. — Это самое сильное, что я слышала в наших прыжках.

— Я тоже, — сказал Лёха. — И я, между прочим, когда тему предлагал, думал, что это будет весело.

— Это весело, — отозвался кот. — Просто весело по-другому.

— Как? — спросила Соня.

— Так, — ответил кот. — Весело — это когда грызут орехи. А по-другому — это когда грызут человека, который тебя обидел. Вот это — настоящее веселье. Только горькое.

Пауза.

— Кот, — сказала Алиса. — Ты сегодня говоришь страшно точные вещи.

— Я всегда говорю точные вещи, — отозвался кот. — Просто вы обычно не слушаете.

— Мы слушаем, — сказал Егор.

— Тогда идите, — кот показал лапой вдаль. — Нам надо в следующий век. У нас ещё много дел.

Глава 3. Гофман, ярмарка и сказка, которая испугала всех

Второй прыжок был коротким. Два десятилетия. Дрезден, начало весны, 1815 год. Они стояли на ярмарке.

Настоящей ярмарке. Не сергиево-посадской, не парижской, а немецкой — с пряниками, пивом, колбасками, шарманкой, детьми, которые визжали от счастья, и с огромным количеством лотков.

— Здесь он её и увидел, — сказал Егор, глядя в блокнот. — Здесь Гофман увидел этих человечков. На ярмарке.

— Откуда ты знаешь? — удивился Лёха.

— Потому что я готовился, — ответил Егор. — Я тоже читал.

— Так это ты мне сказал про Нюрнберг? — обиделся Лёха.

— Нет, — ответил Егор. — Это ты сам придумал. Я специально промолчал. Было интересно посмотреть.

— Ты был готов провалить мою легенду?

— Я был готов посмотреть, справишься ли ты сам.

— Я справился!

— Ты справился, — согласился Егор. — Хотя про барона там было на волоске.

Пауза.

— Ладно, — сказал Макс. — Где Гофман?

Они пошли.

Он стоял у лотка с деревянными игрушками. Худой, с пышными бакенбардами, в скюртуке не первой свежести, с лихорадочным блеском в глазах. В руках он вертел одного из человечков — того самого, с огромным ртом и острыми зубами.

— Он берёт его в руки, — прошептала Алиса.

— Да, — отозвался кот. — И в этот момент деревянная голова становится персонажем.

— Прямо сейчас? — удивился Лёха.

— Нет, — ответил кот. — Сейчас — только возможность. Персонажем он станет, когда Гофман придёт домой и возьмёт перо.

Они стояли и смотрели.

Гофман держал человечка, вертел его, поворачивал, щёлкал им орехи. Лицо у него было не смеющееся, а задумчивое. Как у человека, который увидел что-то, чего не видят другие.

— Вот это и есть момент, — сказала Соня тихо. — Момент, когда предмет становится идеей.

— Это и есть момент, — согласился Егор.

И вдруг Гофман обернулся.

Он посмотрел прямо на них. Не с удивлением. Не с испугом. Просто — посмотрел. Как человек, который привык видеть вокруг себя странности.

Он смотрел на них секунды три. Потом улыбнулся — чуть-чуть, уголком губ — и снова отвернулся к лотку.

— Он нас видел, — сказала Алиса.

— Да, — отозвался кот.

— И ничего не сказал.

— Да.

— Почему?

— Потому что он — сказочник, — ответил кот. — Он видел и не такое. У него сейчас в голове уже идёт история. И в этой истории есть мальчик и девочка, деревянный человечек, мышиный король и семь голов. Ему сейчас некогда с нами разговаривать. Ему сейчас нужно успеть записать.

Пауза.

— А что он напишет? — спросил Лёха.

— Мрачное, — ответил Егор. — Очень мрачное. Он напишет историю не про чудо, а про страх. Про то, что граница между реальностью и воображением размыта. Про то, что девочка Мари видит битву мышей и игрушек — и никто ей не верит.

— И это станет сказкой? — удивилась Алиса.

— Это станет сказкой, — подтвердил Егор. — Но сначала это будет кошмар.

— А потом? — спросил Лёха.

— А потом придет Дюма, — ответил Егор. — Через тридцать лет. И всё перепишет.

— Зачем?

— Потому что сказка должна быть доброй, — ответил Егор. — Или хотя бы такой, чтобы её можно было читать детям перед сном. Гофман написал про тьму. Дюма написал про свет. Оба — правда. Просто разными словами.

Пауза.

И тут кот, который всё это время молчал, сказал:

— А дело не в Гофмане и не в Дюма.

Все повернулись к нему.

— А в чём? — спросила Соня.

— В том, — ответил кот, — что у этой истории есть главный герой, о котором никто не думает.

— Кто?

— Публика, — сказал кот. — Сначала её смешил барон в виде человечка. Потом её пугал Гофман. Потом её успокаивал Дюма. Потом ей сыграл Чайковский. Каждый раз — публика решала, что из этого останется, а что исчезнет. Гофман написал — и это забылось бы, если бы публика не взяла его в руки. Дюма переписал — и это стало рождественской историей, потому что публика захотела рождественской истории. Балет поставили — и он не имел успеха, потому что публика была не готова. А потом музыка взяла своё.

— То есть, — сказала Алиса, — Щелкунчика сделала публика?

— Да, — ответил кот. — Как и матрёшку. Как и всё остальное. Творцы делают вещи. Публика делает символы.

Пауза.

— Ты сейчас опять сказал что-то очень глубокое, — заметила Соня.

— Я всегда говорю глубокое, — отозвался кот. — Но вы уже начинаете слушать. Это прогресс.

Глава 4. Петербург, Мариинский театр имузыка, которую узнают с первых нот

Прыжок был длинный. Три четверти века. Петербург, декабрь 1892 года.

Мороз. Снег. Мариинский театр в вечернем свете фонарей. Экипажи, дамы в мехах, господа в цилиндрах, афиши. На афишах — крупно: «Щелкунчик». Мелко: «Балет в двух действиях. Музыка П. И. Чайковского».

— Вот это уже другое, — сказала Алиса, глядя на афишу.

— Это совсем другое, — согласился Егор. — Это не ярмарка. Это театр.

— И что мы увидим? — спросил Лёха.

— Премьеру, — ответил Егор. — 18 декабря 1892 года. Первый показ «Щелкунчика».

— И что, — уточнил Лёха, — он провалился?

— Ну, — Егор замялся. — Не то чтобы провалился. Он не произвёл фурора. Публика не очень поняла. Критики ворчали. Но музыка...

— Что музыка?

— Музыка осталась. И потом всё изменила.

Они вошли.

Зал был полон. Ложи, партер, галёрка. Публика шуршала, разговаривала, рассматривала друг друга. Пахло духами, пудрой, свечами, душным теплом.

— Куда нам? — прошептала Алиса.

— В галёрку, — ответил Макс. — Чтобы не привлекать внимания.

Они поднялись — высоко, на самый верх. Оттуда всё было маленьким, но видимым. И слышимым.

Свет начал гаснуть.

Дирижёр поднял палочку.

И зазвучала музыка.

Первые такты — знакомые, простые, лёгкие. Как будто кто-то открыл дверь в детскую и заглянул туда. Потом — марш. Игрушечный, но серьёзный. Потом — вальс снежинок. Потом — танец феи Драже, тонкий, стеклянный, дрожащий.

Лёха слушал. И вдруг понял, что у него стоят слёзы.

Он удивился. Он не плакал на балетах. Он вообще не ходил на балеты. Но сейчас — стояли. И он не знал, почему.

— Ты чего? — прошептала Алиса.

— Не знаю, — ответил Лёха шёпотом. — Просто... это как будто я это уже слышал. Как будто это у меня в голове всегда было. Просто я не знал, что оно оттуда.

— Это и есть музыка Чайковского, — сказал Егор тихо. — Она — везде. В каждом доме, в каждом телевизоре, в каждом новогоднем утреннике, в каждой рекламе. Мы её знаем с рождения. И когда слышим вживую — узнаём. Потому что она нам уже родная.

Пауза.

— Так вот почему, — сказала Соня, — балет «Щелкунчик» стал обязательной зимней постановкой.

— Да, — ответил Егор. — И это случилось не сразу. Премьера не имела успеха. Но музыка оставалась. И люди начали возвращаться. Сначала — ради музыки. Потом — ради истории. Потом — ради традиции. Сейчас это семейный ритуал. Каждый год — в декабре — «Щелкунчик». В каждой стране. В каждом театре. В каждой школе.

— И это началось здесь, — сказала Соня.

— Здесь, — подтвердил Егор.

Пауза.

И тут кот — который всё это время сидел на коленях у Макса и слушал с закрытыми глазами — открыл глаза и сказал:

— А знаете, что самое главное?

— Что? — спросил Лёха.

— Это история про слабого, который победил сильного, — сказал кот. — Про куклу, которая оказалась принцем. Про девочку, которая не побоялась. Про то, что чудо может произойти с каждым — если он верит. И это то, что нужно любому человеку. Всегда. И в 1892-м, и в 2024-м.

Пауза.

— Ты каждый раз это делаешь, — сказала Алиса.

— Что?

— Каждый раз ты говоришь что-то, что делает всё это важным.

Кот зевнул.

— Это моя работа, — ответил он. — Единственная, которую я признаю.

Музыка закончилась. Зал хлопал. Не бурно. Вежливо. Как и было.

— Идём, — сказал Макс. — У нас час до прыжка.

Они встали и вышли из ложи.

И где-то в фойе Мариинского театра, среди дам в мехах и господ в цилиндрах, мимо них прошёл человек. Средних лет, усталый, с внимательным взглядом. Он не посмотрел на них. Он смотрел в пол.

— Это Чайковский, — прошептал Егор.

— Он выглядит грустным, — тихо сказала Алиса.

— Он и был грустным, — отозвался Егор. — Он не знал, что его музыка станет символом Рождества во всём мире. Он думал, что написал странный балет, который никто не понял. Он умер через год.

Пауза.

— Это очень печально, — сказала Соня.

— Это очень жизненно, — сказал кот. — Творцы редко видят, что они сделали. Они думают, что не успели. А потом время показывает — успели. Просто не так, как они думали.

Глава 5. Щелкунчик, или Как вещь становится чудом

Дома они оказались поздним вечером.

Всё, как обычно. Соня — на диван. Алиса — рядом. Егор — за стол, к блокноту. Макс — чайник. Лёха — в кресло, ноги на подлокотник. Кот — на подоконник. Смотреть в окно.

Пауза.

— Итог, — сказала Соня.

— Итог, — отозвался Егор, не поднимая головы от блокнота. — Мы прошли четыре времени. Зайфен XVIII века, где рудокопы из злости на барона вырезали деревянного человечка с огромным ртом. Дрезден 1815-го, где Гофман увидел его на ярмарке и превратил в персонажа. Франция 1844-го, где Дюма переписал сказку для французов и сделал её рождественской. И Петербург 1892-го, где Чайковский дал ей музыку.

— И всё это — из одного деревянного человечка, — сказала Алиса. — Который просто грыз орехи.

— Не просто, — возразил Лёха. — Он грыз барона. Он был мстью.

— А потом стал удачей, — сказала Соня.

— А потом стал символом Рождества, — сказал Макс, разливая чай.

Пауза.

— И что это всё значит? — спросил Лёха.

— Это значит, — сказал Егор, — что символ рождается из очень простых вещей. Из злости — сначала. Из вдохновения — потом. Из пересказа — дальше. И из музыки — в конце. Каждый этап делает его сильнее. И ни один нельзя пропустить.

— То есть, — сказала Алиса, — Щелкунчик не стал бы Щелкунчиком, если бы не было барона?

— Да, — ответил Егор. — И если бы не было рудокопов. И если бы руда не кончилась. И если бы Гофман не пришёл на ярмарку. И если бы Дюма не переписал. И если бы Чайковский не написал музыку. И если бы публика не полюбила.

— Это ужасно много условий, — заметила Соня.

— Это ужасно много условий, — согласилась Алиса. — Но они все сложились.

— Да, — сказал Егор. — Сложились.

Пауза.

И тут кот, который всё это время молчал на подоконнике, повернул голову и сказал:

— А знаете, что самое интересное?

Все посмотрели на него.

— Что? — спросил Лёха.

— Что этот деревянный человечек, — кот говорил тихо, — продолжает грызть. Только уже не орехи. И не барона. Он грызёт время.

— Что? — переспросила Соня.

— Он грызёт время, — повторил кот. — Каждое Рождество. Каждый Новый год. Каждый декабрь. Он появляется снова — на сценах, в витринах, на ёлках, в кино, в галереях, в домах. И каждый раз — напоминает одно и то же. Что слабый может победить сильного. Что кукла может стать принцем. Что обычное может стать чудом.

Пауза.

— И в этом, — сказал кот, — его главная тайна. Он — не игрушка. Он — ритуал. Он — напоминание. Он — обещание. И это обещание остаётся в силе уже двести лет.

Пауза.

— Кот, — сказала Соня. — Ты сегодня был невероятно серьёзен.

— Я был серьёзен, — согласился кот. — Потому что эта история серьёзная. Она началась со злости, а закончилась чудом. Так бывает не всегда. Но когда бывает — это самое важное, что есть в мире.

Он спрыгнул с подоконника, подошёл к миске, постоял. Оглянулся.

— И ещё одно, — сказал он.

— Что? — спросил Лёха.

— Если кто-нибудь из вас когда-нибудь возьмёт Щелкунчика в руки, — кот говорил тихо, — пусть он задаст ему вопрос. Любой. И послушает. Он отвечает. Только не все слышат.

— А что он отвечает? — тихо спросила Алиса.

— Разное, — ответил кот. — Но чаще всего — одно.

— Что?

— Что маленький тоже может быть сильным, — сказал кот. — Если он верит. И если он не один.

Он отвернулся и начал есть.

В комнате стало тихо. По-хорошему тихо. Как бывает, когда всё сказано и всё понятно.

Алиса встала, подошла к полке и взяла в руки маленького деревянного человечка. Такого, каких продают на любой рождественской ярмарке. Обычного. Простого. Тёплого.

Она посмотрела на него. Долго.

Потом улыбнулась и поставила на место.

И на секунду ей показалось, что человечек улыбнулся в ответ.

А может, показалось.

А может, нет.

Где-то очень далеко, в маленьком городке Зайфен, в Саксонии, заснеженные улицы которого помнят рудокопов, мастеров и человечков с огромными ртами, стоит музей. В этом музее — щелкунчики со всего мира. Большие и маленькие. Простые и нарядные. Злые и добрые.

И у входа стоит самый первый.

Он вырезан из дерева. Он грубый. Его рот — это два ряда острых зубов. Его нос — кривой. Его ухмылка — злая. И на нём нет ни камзола, ни треуголки, ни сапог. Он — просто деревянный человечек с огромным ртом.

Но если посмотреть на него внимательно, можно заметить одну деталь. Которую не замечают почти все.

Он улыбается.

Не злобно. Не саркастически. А так, как улыбается человек, который знает, что он сделал своё дело. Он грыз орехи. Он грыз барона. Он грыз время. И он всё ещё здесь. Всё ещё стоит. Всё ещё улыбается.

А рядом с ним — записка. Простая. От руки. На немецком. И, если кто умеет читать, там написано:

«Он был сделан, чтобы ломать. А стал тем, что соединяет. Это и есть чудо.»

И это — правда.

Просто правду эту понимают не сразу. Иногда — через двести лет.

Иногда — чере

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.